

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ**

В серии
«Звезды научной фантастики»
вышли:

- Питер Уоттс. *Ложная слепота*
Питер Уоттс. *Эхопраксия*
Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*
Йен Макдональд. *Бразилья*
Адам Робертс. *Стеклянный Джек*
Дэниэл Суарез. *Поток*
Грег Иган. *Город перестановок*
Джеймс Камбиас. *Темное море*
Сборник «*Край бесконечности*»
Тед Косматка. *Мерцающие*
Йен Макдональд. *Новая Луна*
Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*
Сборник «*Голос Лема*»
Ричард Морган. *Видоизмененный углерод*
Ричард Морган. *Черный человек*
Питер Уоттс. *Морские звезды*
Йен Макдональд. *Волчья луна*

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

РИЧАРД
МОРГАН

СЛОМЛЕННЫЕ
АНГЕЛЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)
М79

Серия «Звезды научной фантастики»

Richard Morgan
BROKEN ANGELS

Печатается с разрешения издательства Orion
при содействии литературного агентства Синописис

Перевод с английского: *Ирина Тан*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова
Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Морган, Ричард

М79 Сломленные ангелы / Ричард Морган.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2018.— 637, [1] с.— (Звезды научной фанта-
стики).

ISBN 978-5-17-099085-6

После событий «Видоизмененного углерода» Таке-
си Ковач, бывший чрезвычайный посланник и бывший
частный детектив, оказывается далеко от Земли, на пла-
нете Санкция IV, где участвует в операции по подавлени-
ю революционного мятежа, которая вскоре переходит
в полномасштабную бойню. Но именно в этом изуродо-
ванном войной мире таится сокровище, способное пере-
вернуть человеческую историю: портал к действующему
кораблю инопланетной цивилизации. Почти все археоло-
ги, обнаружившие его, погибли, кто-то явно хочет скрыть
находку от людей и ради этого пойдет на любые жертвы.
Вместе с отрядом наемников Ковач отправляется на по-
иски артефакта, еще не зная, что за секреты исчезнувшей
расы пришельцев придется заплатить самую высокую
цену, а при столкновении с технологиями, чьи возможно-
сти невероятны, а тайны чудовищны, не помогут навыки
даже самых опытных солдат.

Copyright © 2003 by Richard K. Morgan
First published by Gollancz London
© Ирина Тан, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Вирджинии Коттинелли —
моей *compañera*,
añileres, camas, sacapuntas

БЛАГОДАРНОСТИ

И снова я благодарю свою семью и друзей за то, что терпели меня все то время, пока я писал «Сломленных ангелов». Это явно было непросто. Снова благодарю своего агента Кэролин Уитакер за терпение, а Саймона Спэнтона и его команду, в особенности самоотверженную Николу Синклэр, за то, что их стараниями «Видоизмененный углерод» взлетел, точно беркут на сульфатах.

Этот роман написан в жанре научной фантастики, но многие книги из тех, что на него повлияли, фантастикой не были. В частности, я бы хотел выразить свое глубочайшее почтение двум авторам нон-фикшн из того множества книг, что послужили для меня источником вдохновения: мои благодарности Робин Морган за «Любовника-демона», где содержится самая, возможно, четкая, полная и конструктивная критика политического насилия, которую мне приходилось читать, и Джону Пилджеру за «Героев», «Далекие голоса» и «Тайные умыслы», которые в совокупности представляют собой последовательное и бескомпромиссно честное осуждение бесчеловечности, творимой во всех уголках земного шара людьми, которые называют себя нашими вождями. В отличие от меня авторы этих книг ничего не придумали. Они все видели и пережили сами, и нам стоит прислушаться к их словам.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Для читателей, не знакомых со вселенной Такеси Ковача, впервые описанной в моем дебютном романе «Видоизмененный углерод», кратко замечу, что технология оцифровки личности, возможность ее передачи, загрузки и скачивания довольно значительно — по нашим стандартам — увеличивает продолжительность жизни обитающих в этой вселенной людей. Действие «Сломленных ангелов» происходит через тридцать лет после событий «Видоизмененного углерода», но для Ковача это не слишком много. Ему было чем заняться все эти годы — лучше не уточнять, чем именно, — но при регулярном переоблачении (смене физического тела) годы на человеке сказываются не сильно. По крайней мере что касается внешности. Что до изменений внутренних — что ж, продолжительная жизнь не означает «простая», и Ковач знает об этом не понаслышке.

Приятного чтения...

РКМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСТРАДАВШИЕ СТОРОНЫ

Война ничем не отличается от прочих зашедших в тупик отношений. Разумеется, вы хотите их закончить, но какой ценой? И, возможно, еще более важный вопрос: выиграете ли вы от того, что они закончатся?

*Куэллкрест Фальконер.
Военные дневники*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В первый раз я встретился с Яном Шнайдером в густом мареве боли, в орбитальном госпитале Протектората, в трехстах километрах над рваной линией облаков, окутывавших Санкцию IV. Формально говоря, вся система Санкции должна быть полностью свободна от присутствия Протектората — засевшие в бункерах остатки планетарного правительства громко настаивали, что все происходящее является вопросом внутренней юрисдикции, и региональные корпорации молчаливо согласились принять такие условия игры.

Поэтому судам Протектората, которые болтались в системе с тех пор, как Джошуа Кемп поднял знамя революции в Индиго-сити, сменили идентификационные коды, после чего корабли, по сути, были проданы по долгосроч-

ному лизингу многочисленным участвующим в сделке корпорациям, а те ссудили их осажденному правительству по программе фонда регионального развития, не облагаемой налогом. При этом подразумевалось, что суда, которым удастся избежать встречи с бомбами-«мародёрами» Кемпа, неожиданно эффективными для секонд-хенда, Протекторат выкупит обратно до истечения срока лизинга, а общая стоимость потерь пойдет опять же в зачет налогов. Со всех сторон все чисто. А тем временем шаттлы уносили с арены боевых действий офицеров, получивших ранения во время сражений с Кемпом, что в свое время послужило для меня основным соображением при выборе сторон. Война обещала быть кровавой.

Шаттл оставил нас прямо в ангаре госпиталя, с несколько бесцеремонной поспешностью выгрузив десятки медицинских капсульных каталок с помощью устройства, смахивающего на огромную пулеметную ленту. Еще не успел окончательно затихнуть надсадный вой двигателей, а мы уже громыхали и дребезжали, съезжая с крыла на ангарную палубу. Затем моя капсула открылась, и легкие обожгло холодом открытого космоса, который еще недавно заполнял помещение. На всем, включая мое лицо, мгновенно образовалась ледяная корка.

— Вы,— раздался напряженно-резкий женский голос.— Боль чувствуете?

Я сморгнул наледь с глаз, перевел взгляд на свою запекающуюся от крови униформу и прохрипел:

— Угадайте.

— Санитар! Эндорфин и противовирусную общего назначения.

Женщина снова склонилась надо мной. Пальцы в перчатках дотронулись до моей головы, и в ту же секунду

безыгольник холодно ткнулся в шею. Облегчение наступило моментально.

— Вы с Ивенфолльского фронта?

— Нет,— выдавил я.— Участвовал в наступлении на Северный предел. А что? Что там, в Ивенфолле?

— Какой-то конченный мудила только что дал отмашку на тактический ядерный удар.

В голосе доктора зазвучали ледяные ноты гнева. Ее руки ощупывали мое тело, оценивая тяжесть ранений:

— Ну, значит, радиационных поражений нет. Как насчет химических?

Я слегка склонил голову к лацкану кителя:

— Посмотрите... на датчике...

— Датчика нет,— отрезала она.— Вместе с немаленьким куском плеча.

— Ах вот оно что,— я с трудом собрался с мыслями.— Думаю, я чист. А что, вы не можете провести клеточное сканирование?

— Нет, здесь не могу. Клеточные сканеры есть в палатах. Так что, возможно, мы вас просканируем, когда удастся расчистить там место,— она убрала руки.— Где ваш штрихкод?

— На левом виске.

С виска вытерли кровь, по коже невесомо скользнул лазерный сканер. Прибор одобрительно пискнул, после чего меня оставили в одиночестве. Обработка закончена.

Какое-то время я просто лежал, с облегчением предоставив стимулятору эндорфина избавить меня от боли и сознания — что он и проделал с учтивой расторопностью дворецкого, принимающего шляпу и пальто. Какая-то часть меня задавалась вопросом, удастся ли сохранить тело, которое на мне сейчас надето, или понадобится пере-

облачение. Я знал, что у «Клины Карреры» есть небольшой запас клонов для так называемых незаменимых сотрудников, и я как один из пяти бывших чрезвычайных посланников среди наемников Карреры, разумеется, входил в эту элитную группу. К сожалению, незаменимость — палка о двух концах. С одной стороны, лучшее медицинское обслуживание, включая полную смену тела. С другой, единственная цель этого обслуживания — при первой же возможности забросить меня обратно в мясорубку. У рядового пехотинца, чья оболочка получила безнадёжные повреждения, просто извлекут стек памяти из маленькой полости на верхушке позвоночного столба, после чего бросят стек в контейнер, где он, скорее всего, и пролежит до самого конца войны. Не идеальный вариант, к тому же — при всей репутации «Клины» как организации, которая заботится о своих, — без фактической гарантии переоблачения, но после безумного хаоса последних месяцев такой переход в небытие хранилища казался почти привлекательным.

— Полковник! Эй, полковник!

То ли это спецподготовка не давала полностью погрузиться в забытие, то ли меня выдернул из него голос, раздавшийся откуда-то сбоку. Я медленно повернул голову, чтобы увидеть говорившего.

Судя по всему, мы все еще находились в ангаре. На соседней каталке лежал атлетичный молодой парень, с копной жестких черных волос и живым, умным лицом, которое не потеряло осмысленного выражения даже после инъекции эндорфина. На нем тоже была форма «Клины», как у меня, только сидела неважно, да и дыры в ней, похоже, не соответствовали дырам в нем. На его левом виске, на месте штрихкода, по удобному совпадению был ожог от бластера.

— Вы ко мне обращаетесь?

— Так точно, сэр.

Он приподнялся на локте. Ему, по всей видимости, вкололи куда меньшую дозу, чем мне.

— Ну что, заставили мы таки Кемпа улепетывать, да?

— Интересная трактовка событий, — перед моим мысленным взором пронесли обрывки воспоминаний о том, как 391-й взвод превращался в кровавую кашу. — И куда же, вы считаете, он будет улепетывать? То есть принимая во внимание, что это его планета.

— Ну, я думал...

— Не советую этим заниматься, солдат. Вы что, не читали свой контракт? Закройте рот и поберегите силы. Они вам понадобятся.

— Э-э, слушаюсь, сэр.

Он выглядел слегка ошарашенным и, судя по тому, сколько народа посмотрело в мою сторону, был не единственным, кого удивили подобные речи из уст офицера «Клина Карреры». Как и прочие войны, война на Санкции IV вызывала у людей самые сложные чувства.

— И еще одно.

— Да, полковник?

— На мне лейтенантская форма. В воинском формировании «Клин» нет звания полковника. Постарайтесь запомнить.

Тут волна чудовищной боли, прикатившаяся из какой-то изувеченной части моего тела, скользнула под заграждающие руки эндорфинных охранников, дежурящих у двери в мозг, и принялась пронзительно истерить, стремясь донести свою оценку ущерба до всех имеющих уши. Моя улыбка, приклеенная к лицу, исчезла — как, наверное, исчез Ивенфолл, — и я мгновенно потерял интерес к чему бы то ни было, кроме крика.

* * *

Когда я снова очнулся, где-то прямо подо мной плескалась вода, а лицо и руки грел мягкий солнечный свет. Кто-то снял с меня изрешеченную шрапнелью армейскую штормовку, оставив в форменной майке. Я пошевелил рукой, и пальцы ощутили отполированную годами поверхность деревянных досок, тоже нагретую солнцем. На обратной стороне сомкнутых век плясали цветные пятна.

Боли не было.

Я сел, чувствуя себя лучше, чем когда-либо за последние месяцы. Я находился на небольшом грубо сколоченном пирсе, выдававшемся метров на десять в морской залив. С обеих сторон залив окаймляли низкие горы с округлыми вершинами, по небу беззаботно неслись пушистые белые облака. Недалеко от берега из воды высунуло головы семейство тюленей и принялось сосредоточенно меня разглядывать.

Мое тело, целое и невредимое, было все той же афро-карибской оболочкой армейского образца, в которой я участвовал в атаке на Северный предел.

Ну что ж.

Позади меня от чых-то шагов заскрипели доски деревянного настила. Я дернулся на звук, рефлекторно вздернув руки для защиты. С изрядным отставанием от инстинктивной реакции в голову пришла мысль, что в реальности моя оболочка обнаружила бы присутствие постороннего задолго до того, как тот успел бы подойти так близко.

— Такеси Ковач,— произнесла стоящая надо мной женщина в форме, правильно выговорив мягкое славянское «ч» на конце имени.— Добро пожаловать в оздоровительный стек.

— Мило,— я поднялся, игнорируя предложенную для помощи руку.— Я по-прежнему на борту госпиталя?

Женщина покачала головой и откинула назад длинные медно-рыжие волосы, обрамлявшие резко очерченное лицо:

— Ваша оболочка все еще находится в отделении интенсивной терапии, но ваше текущее состояние сознания загружено в цифровое хранилище «Клин-1» и будет храниться там до тех пор, пока вы не будете готовы к физическому воскрешению.

Я огляделся и снова поднял лицо к солнцу. На Северном пределе постоянно идут дожди.

— А где находится хранилище «Клин-1»? Или это секретная информация?

— Боюсь, что да.

— И как я только догадался?

— Из опыта сотрудничества с Протекторатом вам, несомненно, известно...

— Не продолжайте. Это был риторический вопрос.

Я и без ее ответа имел мало-мальское представление о том, где находится этот виртуальный формат. Обычно во время планетарной войны станции с малым альбедо втихую размещали на замысловатых эллиптических орбитах где-нибудь подальше и надеялись, что корабли местного флота на них не наткнутся. Шансы обнаружения довольно низкие. Космос, как принято писать в учебниках, очень велик.

— Какое соотношение вы тут поддерживаете?

— Формат функционирует в реальном времени,— ответила она тут же.— Но я могу поменять установки, если хотите.

Мысль о том, чтобы растянуть процесс моего, конечно же, недолгого выздоровления раз где-нибудь в триста,

представлялась соблазнительной, но, если мне в ближайшем будущем суждено было снова тащиться на поле боя, не следовало терять формы. Кроме того, я не был уверен, что командование «Клина» позволит мне злоупотреблять подобными манипуляциями. Пара месяцев отшельнической праздности на лоне такой чудесной природы неминуемо плохо скажется на готовности участвовать в массовой бойне.

— Разместиться можно вот там, — сказала женщина. — При желании можно заказать модификации.

Я взглянул туда, куда указывала ее рука, и у кромки воды на длинной полосе покрытого галькой пляжа увидел двухэтажное здание из стекла и дерева с загибающимися кверху краями крыши.

— Выглядит неплохо, — во мне вдруг зажглись слабые искры сексуальной заинтересованности. — Как я понимаю, вы воплощаете мой идеал межличностного взаимодействия?

Женщина снова покачала головой:

— Я внутренний сервисный конструкт этого формата, осуществляющий контроль над системами «Клина-1». Моим физическим прототипом является подполковник Люсия Матаран из Верховного командования Протектората.

— С такими-то роскошными волосами? Вы шутите.

— Я располагаю определенной свободой действий. Желаете ли, чтобы я создала для вас идеал межличностного взаимодействия?

Как и предложение об изменении временного соотношения, мысль была соблазнительной. Но после шести недель, проведенных в компании буйных клиновских головорезов, больше всего на свете мне хотелось побыть в одиночестве.